

сты имели столь выраженную «русскую» компоненту, что это даже позволило ряду исследователей говорить о «русском лице немецкого национал-социализма».

И хотя внешне оба режима с враждебной ревностью относились друг к другу, подобно «братьям-близнецам» — антиподам, но, тем не менее, такая духовная связь, переплетение в процессе своего духовного становления, были вполне материальны, вплоть до того, что само боевое оружие, мастерство в будущем враждующих армий, выковывалось в одних и тех же учебных заведениях, на одних и тех же производственных площадях, предоставленных Россией Германии в 30-е годы. Эти странные отношения «любви-ненависти» — алголагнии, как говорили раньше, — в 1939 году в тайне от всего мира завершились сепаратными сделками — соглашениями о будущем разделе сфер влияния, границах нового мирового порядка, на который претендовали лидеры этих тоталитарных стран.

При всей вражде идеологий, существовавших между этими странами, имелось общее, родовое, отличие — сходство, которое своеобразно объединило их как во внешнем мире, так и в мире внутреннем. Каждое из этих государств-близнецов внешне выступало против единого врага — либерализма и тех стран, в которых либерализм является господствующей идеологией. И это был как бы «внешний враг», против которого выступали политические лидеры обеих стран. Но был и единый «враг внутренний», «пятая колонна», который изнутри готовил, подтачивал тоталитарные режимы. Это — социал-демократия в тех формах, которые она приняла в Германии и России.

Весьма характерно, что формы борьбы с внутренней оппозицией для обоих режимов были совершенно идентичными: высылка, запрет на право заниматься своей профессиональной деятельностью, концентрационные лагеря, в конечном итоге — смерть.

Политические лидеры обоих режимов, претендуя на новизну, уникальность своего исторического выбора всячески подчеркивали революционный, разрывающий с прошлым характер своей идеологии, несущий дряхлеющему старому миру возрождение и обновление путем вливания новых, свежих молодых сил, идей и мировоззренческих подходов. Только они разрешали все мировые загадки, по-новому решали старые, унаследованные от прошлого проблемы, — только они обещали населению своих государств исполнение всех желаний.

И именно им, как бы отвечая на эти пропагандистские лозунги и саморекламу, в свое время запальчиво, но, тем не менее, прозорливо проговаривал, кстати, высланный из большевистской России Н.Бердяев: «Напрасно вы, люди революции, думаете, что вы новые души, что в вас рождается новый человек. Вы — старые души, в вас кончается старый человек со старыми своими грехами и немощами. Все ваши отрицательные чувства — злоба, зависть, месть — приковывают вас к старой жизни и делают вас рабами прошлого»⁴.

И как бы красиво не драпировались, в какие бы «новые» тоги не рядились представители этого «нового строя», «нового порядка», однако политические и практические следствия из новой политики и практики с головой выдавали их истинные намерения и цели, точно соответствуя рецепту, данному еще в евангельском «по плодам». Воплощение выдавало замысел, цель и сами «плоды» прямо соотносили, указывали на то «дерево», на котором они произрастали. И никакая «мичуринская прививка» «груши на яблоко» не могла скрыть это изначальное происхождение, его историю и логику.

Концентрационные лагеря, геноцид собственного народа, внешний экспансионизм и внутренняя террористическая структура политики ради достижения утопической, но варварски реализуемой цели полностью выдавали идейную и мировоззренческую почву, на которой и произрастали эти «деревья», приносящие «плоды».

Тем самым и сама пресловутая «новизна», оригинальность и уникальность утверждаемого нового строя, «нового» порядка, особый «третий путь» выявляли себя как своеобразное повторение, повторение ошибок уже найденного в прошлом и отвергнутого в настоящем, решений и мнений, преодоленных ходом мировой истории.

Вместе с тем новизна действительно была, но только в чем? Новизна не в самом основании: все уже было известно, и в этом смысле — тривиально, но в сочетании, сама адская горячая смесь, возгонка «тривиальности» на псевдоидеологический уровень в качестве «откровений», «дара», пророчеств «кумской сивиллы», сама претензия на «новизну» — именно это действительно было находкой, привнесенной в социо-политическую культуру XX века — века массовых социальных движений. Действительно, новым явился широкий социальный охват, та массовая гипобулическая коллективная истерия, массовый фанатизм, психоз, которые охватили народы этих стран. Предрассудок вытеснил разум, коллективное бессознательное определило всецело рациональное поведение. Все, что на протяжении нового времени было вытеснено под воздействием рационализма и науки на периферию общественного сознания, было рудиментом давно ушедших эпох, вновь вернулось и с небывалой до того силой стало определять социальное поведение.

Примитивная ксенофобия в ее наиболее отвратительной форме — антисемитизме — стала основной идеологической детерминантой в национал-социализме Германии. В России же явный и неявный «ressentiment» — «зависть — месть» лег в основу идеологии, разрывающей общество на части, ставящий его на уровень гражданской войны, так называемой «борьбы классов», классовой борьбы пролетариата. И это-то в стране, которая по преимуществу была крестьянской, а сам пролетариат

еще нужно было во многом создавать и создавать в процессе догоняющего развития по отношению к другим странам Европы.

И если русский социализм и немецкий национал-социализм были едины в своих нападках на либерализм и социал-демократию внутри своих политических режимов, то было одно идеологическое направление, которое, как бы оставаясь в тени, тем не менее все же лежало в основании самих этих режимов, подчас оставаясь на уровне того самого предрассудка, бессознательного стереотипа мышления, обычая, традиции, которое не подвергалось критике, не отрицалось, а скорее было воздухом, атмосферой, в которой только и были возможны подобные спиритуалистические возгонки темной бессознательной части общественного сознания на уровень идеологических парадигм, определяющих само политическое действие, его стратегию и тактику.

Это был неоконсерватизм — политическое и, главным образом, идеологическое социокультурное направление так называемой «философии жизни». «Философия жизни» предшествовала как первой и второй русским революциям 1917 года, так и широко была распространена в Германии незадолго до прихода нацистов к власти в 1933 году.

Почти не имея ничего общего со старым традиционным монархическим реставрационным консерватизмом, отталкиваясь от него, неоконсерватизм был той «алхимической ретортой», в которой проводилась предварительная спиритуализация, «возгонка» предрассудков, обычаев, традиций и коллективных заблуждений на уровень идеологических мифологем нового времени. Именно в неоконсерватизме России и Германии на стыке XIX—XX веков создавалась новая, подчас физикализованная мифология, некий новый миф XX века, если вспомнить название одной из работ теоретика национал-социализма — А.Розенберга.

Феномен неоконсерватизма конца XIX — начала XX веков уже был описан нами в предыдущей работе «Парадоксы неоконсерватизма»⁵. Предлагаемое исследование посвящено специфической роли неоконсервативной идеологии в формировании тоталитаризма в России и Германии первой половины XX века, тех форм, которые принял неоконсерватизм в качестве того самого «воздуха», питательной среды, «первичного бульона», в котором только и возможны были мутационные изменения, породившие «зверя из бездны».

При этом сам неоконсерватизм оформившийся как идеологическое течение в Германии в последней трети XIX века, представляет собой весьма сложное, полиморфное явление. В нем сплавлены воедино почти все «периферийные» идеологические течения предшествовавшего периода развития Германии: от состояния полной раздробленности до объединения в 1871 году.

Это были и романтизм братьев Шлегелей (Фридриха и Августа Вильгельма), Л.Тика, и пиетизм, и националистически окрашенное почвенничество или, иначе говоря, националистическое народничество (Volk) движение (Volksstumbewegung), основанное Э.М.Ардн-том. Это были и попытки поиска народного духа (Volkgeist) как неповторимого синтеза, своеобразие гения немецкого народа, интегрирующего в себе единство нации, языка, климата, почвы или ландшафта, экономики и, в конечном смысле, единства расы. Сюда же можно отнести и тиранию Древней Греции над Германией как своеобразную криптомнезию, имплицитную память о светлом и счастливом существовании неразделенного, целостного народа, находящегося в мистическом союзе народа (Volk) с его кровью и ландшафтом, о котором писали многие поэты и писатели Германии (Гете, Гельдерлин). Это и учение Бахофена о так называемом материнском праве (1861 год), выдвинувшее идеи о фазовых моделях культурной революции, повлиявшее

на Ф.Энгельса с его учением о первобытнообщинном коммунизме. И комплекс идей, связанных с рождением или, иначе говоря, с возрождением Германии, развитых в работах П.Лагарда, идеи Р.Вагнера об искуплении и, наконец, метафоры Ф.Ницше, техническим истолкованием которых и явился национал-социализм.

В России в конце XIX века наблюдаются во многом сходные явления. Проникновение германской метафизики в конце века в России вылилось в размежевание раннего и позднего славянофильства, появление «западников». Поиски русской идентичности, «загадочной» русской души породило такое же почвенически-националистическое движение, которое в крайнем своем православном варианте дало такое самобытное явление, как К.Н.Леонтьев, который попытался опереться на старые религиозные культы (византизм) для достижения новых религиозных культурологических возможностей.

Тем самым «грибница», питавшая «зверя из бездны» весьма сложна и противоречива, но в целом она опирается на солидный пласт филогенетически бессознательного обоих народов и подтверждает правило, что социальный онтогенез повторяет филогенез, который в эпоху кризиса выявляет свою историческую глубину традиции в крови и почве каждого народа.

ГЛАВА 1

«ПУСТЫНЯ ШИРИТСЯ САМА СОБОЮ»

Уютный, гармонично рационализированный мирок, который выгородила, огородила для себя, европейская культура к концу XIX века, — «мир-крепость», — казалось бы, надежно закрытый от набегов пришельцев в начале XX века, неожиданно распался, распался с взрывом, разнесшим на куски почти все духовные достижения человечества, и вовсе не от врагов внешних, — опасность была изнутри.

Кризис естествознания, кризис социально-экономических отношений, кризис мировоззренческих парадигм поразили многие западноевропейские страны к концу XIX века. Противоречия обострились и накопились, а формой разрешения их явился не синтез и переход на новый уровень, согласно гегелевской философии, а война, — первая мировая война, — охватившая весь европейский континент.

Последствия ее, по крайней мере, в духовной области, были ужасны. От прошлого остались лишь несущие в себе память столетий прекрасные обломки былых значений. Духовную пустоту заполнили: динамичная, «стоящая по ту сторону» прежней аксиологии, отвергаемая ранее, «философия жизни», психоанализ, близкий к ним американский прагматизм, с его многообразием форм религиозного опыта, оккультизм, мистика, восточные религии и т.д. Культура потеряла свои межевые столбы, центр и периферия поменялись мес-

тами, иерархия ценностей уступила место аморализму норм и оценок, порядок сменился хаосом и пустота, нигилизм, пришествие которого предсказывал в своих пророчествах Ф.Ницше, вновь поставили вопрос о повороте «воли к жизни», к «воле к власти», к новой власти, иерархии, порядку, новым функциям культуры, стратегии и тактике жизни в этих новых условиях.

Пророчества неоконсерваторов конца XIX века: Ф.Ницше в Германии и К.Н.Леонтьева в России, — сбылись, духовная пустота стала единственной осязаемой реальностью.

Либерализм, господствовавший в политической идеологии XIX века в ведущих промышленно развитых странах Западной Европы, США и, в особенности, в Англии в начале XX века, потерпел первое и весьма ошутимое поражение. Ориентированный на свободу, главным образом, в области экономической, политической правовой, либерализм оказался не способным к решению проблем массового общества, впервые заявившего себя в этот период.

Свобода, взятая в ее негативном аспекте, как «свобода от...», защищающая индивида и группу от действия правительства в качестве свободы «laissez faire» и саморегулируемого рынка в условиях, поставленных под угрозу государственных рыночных отношений, в условиях, когда само существование индивида не было защищено никакими государственно-правовыми отношениями, а главное — имущественными отношениями, собственностью в послевоенный период, перестала удовлетворять потребностям индивида массового общества. Кровь, нация, раса, борьба, переросшая в военный конфликт различных государств за передел мира, и экономическое, политическое и, в конечном итоге, мировое господство, — никак не укладывалось в рамки либеральной концепции; трудности возникли и с появившимся в этот период тред-юнионистским, профсоюзно-корпоративным

социалистическим движением внутри самих воюющих государств. Социальная справедливость, равенство индивидов, вступающих в экономические отношения, регулируемые едиными правовыми нормами, в качестве базисных ценностей либеральной идеологии, были вытеснены социальным расслоением общества, вековыми традициями и предрассудками аристократии, противостоявшими эгалитарным идеям либеральной теории.

Борьба либералов с предрассудками и привилегиями была оценена как борьба с естественным порядком вещей, как борьба идеально сконструированного космоса, рационально заданной конструкции, с онтологией, с самой жизнью. Пришло время неоконсерватизма, который охватил духовное пространство цивилизованное общество и вширь, и вглубь. Стремление к свободе рыночного предпринимательства, игре свободных экономических сил сменилось на устойчивую тягу к абсолютным ценностям, стабильности и постоянной, неизменной идеологии, выражающей абсолютные ценности (может быть, даже и не реализуемые) повсюду и навсегда в качестве неизменных законов природы, общества и государства.

В борьбе против либерализма своеобразным союзником неоконсервативной идеологии выступил и социализм, существовавший в начале XX в качестве пока еще малочисленных сектантских кружков и партий, общественных движений, включенных в общее трудюнионистское, профсоюзное движение. Социализм в качестве основного социального импульса наследует основное либеральное требование «равенства», но «равенства», понятого как борьба за социальную справедливость, но не процесса производства как такового, а только социального распределения, обмена, равной оплаты за равный труд, равное участие в управлении производством и т.д. Главным врагом социалистов, поэтому, выступает само «денежное обращение» капита-

ла, финансовый капитал, утверждаемый либеральной теорией в качестве своеобразной «невидимой руки», задающей и регулирующей социальное расслоение и дифференциацию общества. Взамен социалистическая теория предлагает прямой товарообмен, бартер услуг и предложений, устраняющий роль и значение универсального посредника — деньги, денежное обращение и сам финансовый капитал, прямо и непосредственно не участвующий в процессе производства.

Верно нащупав основную движущую пружину торгово-промышленного капитала: «деньги» и «денежное обращение», — социалистические реформаторы пытаются найти утопические способы, которые, минуя процессы денежного обращения, являются путями реализации такого производства, в котором господствует прямой обмен услуг и предложений. Это основная тема многих «романов-утопий» социалистического направления: фаланстеров, общин, кооперативов, которые на практике при попытке их реализации неизменно заканчивались полным экономическим крахом. И весьма знаменательно, что попытки внеэкономического принуждения к труду, даже в этих романах-утопиях, при всех придуманных, идеально выстроенных отношениях, неизменно заканчивались насилием, подчинением грубой силе и т.д., что и отметили по-своему и как бы в ответ на эти попытки серии романов-антиутопий неоконсервативного толка, появившиеся в начале XX века.

Но ни эти романы-предупреждения, ни суровая проза «фаланстеров» не могли поколебать основное убеждение социалистов о том, что капитализм — это лишь короткий промежуточный этап на пути развития человечества, на смену которому с железной необходимостью уже в ближайшем будущем грядет новая социалистическая эра: освобожденного труда, труда, в котором будут преодолены все родовые «родимые пятна» капитализма и сопутствующего ему либерализма в виде